

В этом году отмечается 75-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. В честь этой знаменательной даты наш журнал начинает публикацию отрывков из ранее изданных книг воспоминаний сотрудников ВСЕГЕИ, воевавших на фронте, эвакуированных и проводивших геологические работы во всех уголках страны, оставшихся в Ленинграде и испытавших все лишения блокадного города. Эти люди просто и без излишней эмоциональности описывают мучительный и постоянный голод, ежедневные ночные обстрелы, смерть любимых и близких... В каждой семье была война, и каждый: кто взрослым, а кто ребенком – прошел свой путь к Победе.

И. Н. КУРЕК

Ленинградцы, гордость моя!

Начало войны. Мы жили на Васильевском острове, на 13-й линии, дом № 54, квартира 19. Еще учась в 5-м классе, по дороге домой из школы, которая тоже на 13-й линии, мы с моей подругой Розой Резниковой часто обсуждали, нападет Гитлер на нас или нет, будет война или нет. С одной стороны заключён пакт о ненападении, с другой – он завоевал почти всю Европу.

23 июня застало нас – бабушку, меня и брата Колю в поезде, утром мы уезжали на дачу за Волховстрой до ст. Зеленец, в деревню Васкиничи. Мы одно или два лета там жили. Мама нас провожала. В поезде все только и говорили о начавшейся войне. В этот день в Ленинграде была объявлена первая воздушная тревога.

В деревне брат работал в колхозе. Помню три картины: мобилизованные мужчины выходили из своих домов и шли на призывной пункт, а бабушка, видя это, плакала и говорила: «Вот, не все и вернуться». Измученные женщины гнали через деревню стадо мычавших коров, фронт наступал. Когда через полтора месяца возвращались в Ленинград, вокзал станции Зеленец был весь разбомблен.

Моя мама, Мария Дмитриевна, работала в Первом медицинском институте. На шестой день войны она написала письмо своей сестре Елене Дмитриевне в Новосибирск. Это письмо сохранилось (от 27 июля 41 года):

Дорогая Ленуся!

Целую тебя... Решила написать тебе письмо, ведь сейчас настала тяжелая пора – вторая Отечественная война, которую нам ленинградцам воочию придется испытать. Мои ребята уже большие, Коля перешел в 10-й класс, а Ира (как

всегда с грамотой) в 6-й класс. Я их 23/VI в 11 час. дня проводила на дачу и думала, получив отпуск, 21/VII поехать к ним, но, увы, проклятый немец все испортил. Отпуска в связи с военным положением отменили. С 29/VI вводится трудовая повинность по оборонной работе, после работы, а я работаю 8 час, прибавить 3 часа, так что дома буду находиться мало... Лето у нас нынче очень позднее, холодное и невеселое... Николай Н. еще не уехал, задерживается в связи с событиями. Ну, будь счастлива и здорова.

Целую тебя крепко. Твоя сестра Маруся.

Продолжение того же письма 30/VI-41:
Дорогая Ленуся!

События показывают, что в Ленинграде детей не оставляют, а эвакуируют, и вот я подумала, что может умру, так моя дочь осталась бы у тебя, она хорошая и серьезная девочка, и мне хотелось бы переправить ее тебе. Если бы я не служила и разрешился выезд, то поехала бы сама, но, увы, это невозможно. Сын мой уже воин, месяцев через 8 заберут. Состояние у меня моральное ужасное (всё плачу).

Ну, будь счастлива и здорова Целую. Маруся.

20 июля мама проводила папу – он уезжал на «геологической» барже (около 70 сотрудников ВСЕГЕИ и кое-кто с семьями) вверх по Неве, дальше по Ладожским каналам и Мариинской водной системе, по рекам Шексне и Волге до города Горький. В августе мама взяла отпуск и приехала за нами. От Зеленеца до Ленинграда ехали, всю дорогу стоя в набитом людьми вагоне.

Семья Курек – бабушка Ольга Ивановна, папа Николай Николаевич, мама Мария Дмитриевна, я и брат Коля

Занятия в школе не начинались, и мы бегали по улицам. В угловом доме на Большом проспекте Васильевского острова, на полу низкого первого этажа видели лежащего мертвого мужчину – сказали, что его убило осколком.

Из открытой форточки, забравшись на стул, видела далеко летящий самолет и белые «облачки» разрывов около него; мама рассердилась и прогнала меня от окна.

Магазины стали пустеть.

У нас в доме много говорили и решали вопрос – уезжать из Ленинграда или нет. Я была против – как я могу расстаться со своей школой?

Нашими большими друзьями была семья сотрудника ВСЕГЕИ Ивана Ильича Чупилина. К нам, как и раньше, часто приходила Ольга Семеновна Чупилина, с ней тоже обсуждали вопрос – уезжать или нет. Была возможность уехать с Горным институтом в теплушках, но Ольга Семеновна с дочкой Лилей решила не ехать и нам отсоветовала. Других возможностей не было.

Когда начались первые бомбежки, чаще всего к ночи, мы бегали прятаться с нашего второго этажа (дом был двухэтажный, деревянный) под лестницу, она была каменная; стояли, дрожа от страха. Один или два раза бегали прятаться в настоящее бомбоубежище, в большой каменный дом, построенный для моряков

в 1938–1939 годах на 13-й линии ближе к Среднему проспекту.

Против нашего дома на 12-й линии находился витаминный завод с огромной трубой, которая, видимо, была объектом для частых бомбежек. Завывание сирены предупреждало о налете или обстреле. Вскоре мы к этому привыкли и оставались лежать в своих постелях. Стекла вылетели только весной 42-го года.

У нас была отдельная трехкомнатная квартира. Одну комнату мы сразу освободили для беженцев. Беженцев не было, комната стояла пустая. В сентябре Колю со школьниками старших классов отправили под Пулковку на оборонительные работы. Оттуда он привез немного картошки. Это было очень ценно и вкусно. Кто-то говорил о немецкой листовке: «Дамочки, не копайте ямочки, чечевицу съедите – Ленинград сладите». Листочки сбрасывали туда, где женщины рыли траншеи.

Очень запомнилось и согрело замечательное стихотворение – послание ленинградцам народного певца Казахстана Джамбула, напечатанное 6 сентября в «Ленинградской правде» и на листовках, расклеенных по городу:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья виден
отблеск невосковой струи.

И в конце:

Предстоят большие бои,
но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

От этих слов душа радовалась — о нас думают, страна с нами, значит «победа будет за нами», — так сказал тов. Сталин. Город не будет сдан!

От папы получали письма, мы ему тоже писали, старались не жаловаться, чтобы его не расстраивать. С продуктами становилось все хуже. Помню, последние покупные жирные пельмени. В комнате, где был папин кабинет и спальня родителей, стоял бочонок с зелеными помидорами — не то мочеными, не то солеными.

Анна Ивановна Азарова, работавшая вместе с папой, однажды принесла нам мешок с «солдатскими сухарями», — её муж Карп Ефимович служил в штабе Ленинградского фронта.

Олимпиада Ивановна, жена моего крестного, часто приходившая к нам, раза два-три угощала нас домашними лепешками. Мой крестный, Федор Федорович Лиходеев, главный механик ледокола «Литке», был одним из первых орденосцев, жили они в соседнем флигеле в одном дворе с нами.

С сентября началось снижение норм выдачи хлеба, круп и жиров. Стала обычной такая еда: хлеб резали на кубики, кубики подсушивали, заливали кипятком — это был горячий суп. Ломтики хлеба жарили на олифе, посыпая солью. Из столярного клея варили студень; из каких-то кож, вроде ремней, тоже варили студень.

С наступлением холодов все мы поселились в одной комнате, бывшей столовой, с расположенной в центре квартиры печкой-буржуйкой. Бабушка заставляла меня убирать пыль, делать какие-то небольшие дела, читать книжки, словом, соблюдать норму обычной жизни. Еще до школы я выучила молитвы «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся», когда начинались бомбежки или артобстрелы, я бежала к бабушкиной иконе, висевшей в углу над её кроватью, и, читая молитву, просила Бога защитить и спасти нас.

От недоедания страдали в первую очередь мужчины, в том числе и наш Коля. Однажды он очень расстроился — у него дома выпала из рук и разбилась бутылка вина, может быть, кагора. Очень переживал, чуть не плакал — ведь это было питание, источник энергии. А бабушка тоже однажды плакала — несла из магазина, спрятав под пальто, полученный кулечек пшена, а из него сыпалось, сыпалось всю дорогу, и домой она принесла почти пустой кулечек.

В начале ноября мы с Колей ходили по аптекам. Видимо, искали какое-то питательное полезное лекарство. Было очень холодно, у Коли на голове была «финская» кепка с ушками.

В октябре-ноябре начались «занятия» в школе, но не по классам, а собирались все, кто пришел,

в помещении типа бомбоубежища. Дежурный преподаватель проводил свой урок; сидели в пальто, слушали, отвечали. Один мальчик на вопрос, как жили древние люди, ответил: «В древности люди жили плохо, у них не было одежды». Все рассмеялись.

Какое-то время в школу ходили с котелками (у меня был солдатский), получали щи — горячая вода с капустой. Решила отнести эту еду домой Коле под пальто (чтобы не остыла), но, к большому моему огорчению, всё вытекло.

Под Новый 1942 год выдали по карточкам праздничные добавки. У меня была еще детская карточка, у мамы «служащая», у бабушки и Коли иждивенческие. Точно не помню, что выдали, осталось смутное воспоминание о картофельном пюре с чем-то, о чем-то сладком и о приподнятом настроении.

1942 год. В январе и феврале смертность в Ленинграде превышала декабрьскую.

Я не помню Колю ни худым, ни опухшим. Но зимой он, даже в дневное время, лежал или сидел на диване под одеялом, в средней большой комнате, где мы все жили. Однажды Коля, сидя на диване, стал просить: «Дайте хоть корочку хлеба!..» Был вечер, хлеба не было ни крошки.

Анна Ивановна была во ВСЕГЕИ командиром звена ревпорядка МПВО и сумела устроить Колю в военно-морской Таллинский госпиталь, находившийся в здании ВСЕГЕИ. Его отвезли туда на саночках. Еда стала нормальной, давали даже сосиски (об этом он говорил). Но было уже поздно, он не смог восстановить силы. Умер в январе, похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище. На стволах березовой рощи в левой стороне кладбища прикреплены эмалевые портреты лежащих в этой земле. На одной из берез портрет Коли присоединили к портрету Сашинного дяди — Степана Мефодиевича.

Мама продолжала ходить пешком с Васильевского острова на Петроградскую сторону в Первый медицинский институт на работу. Выкупала продукты по карточкам, заботилась о нас с бабушкой. Примерно с середины февраля она стала усиленно хлопотать о нашей эвакуации (я её иногда сопровождала) по ледовой Дороге Жизни к папе, в Казахстан.

Мамины хлопоты ничего не дали, мама теряла силы, в марте месяце она умерла.

Помню яркий солнечный день, я иду по заснеженной 13-й линии, а навстречу бежит Милочка, моя троюродная сестричка и подруга с ранних детских лет. Мы, плача, обнялись — она узнала о смерти моей мамы, а у нее еще раньше не стало мамы и папы. Это мои тетя Вера и дядя Петя. Она осталась с дядюшкой, маминым братом, а я со своей бабушкой.

Весной стало больше ребят. Ежедневно приходили в школу, но не на занятия, а в столовую, где кормили обедами из сои — соевое молоко, соевые оладьи или каша из соевых хлопьев (так называемые шроты). Я не могла заставить себя есть что-то соевое.

Появилась разная трава, стало лучше с водой, открылись бани. В апреле в городе проходили субботники по уборке, стало чисто.

Папа, получив известие о смерти мамы, стал вместе с Анной Ивановной хлопотать о нашем с бабушкой переезде в Усть-Каменогорск. Анна Ивановна с очень небольшим количеством сотрудников ВСЕГЕИ, во главе с директором Н. А. Быховером, была эвакуирована в феврале 1942 года сначала в Кыштым, а потом в Усть-Каменогорск.

Вероятно, в Ленинград был послан вызов, и Карп Ефимович очень энергично помог с нашей отправкой. Кое-что продали, собрали кое-какие деньги и вещи. Накануне отъезда я ходила к своей крёстной Евгении Георгиевне, давнишней бабушкиной подруге, на Средний проспект, 47. Отнесла ей «хорошую говяжью кость» — снабдила нас знакомая, имевшая доступ к таким «деликатесам». Во время блокады люди помогали друг другу, чем могли. Друзья и знакомые, кто мог, навещали нас. Елена Константиновна Яговкина, жена геолога ВСЕГЕИ и папина машинистка, незадолго до маминной смерти еле-еле дошла до нас (ходила за водой и отморозила ноги), осталась лежать у нас, стонала всю ночь и к утру скончалась. Её и маму похоронили в братской могиле Смоленского кладбища.

Олимпиада Ивановна, заходя к нам, часто читала письма с фронта своего сына Бори — друга Коли, первокурсника Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе. Зимой 1941/42 года их отправили в Донские степи. Многие из них тогда замерзли. Из его последнего письма весной 1942 года: «Сижу на сене, пишу на каске, наверное, это моё последнее письмо». Так и случилось. В музее Фрунзенского училища хранится его комсомольский билет, пробитый пулей.

В июне бабушка получила от районной эвакуационной комиссии Свердловского районного совета депутатов трудящихся удостоверение № 691, в котором было написано: Предъявитель настоящего удостоверения гр. Курек Ольга Ивановна, 1877 г. с членами семьи: 1. Курек Ирина Николаевна, 1929 г., эвакуированы из гор. Ленинграда в Башкирскую АССР.

15 июня Карп Ефимович проводил нас с бабушкой по Ириновской железной дороге до ст. Синовец на Ладожском озере.

Перед отъездом еще надо было сдать неиспользованные карточки. Бабушке вручили справку № 07164, помеченную 15 июня 1942 года, о том, что получены от гр-ки Курек О. И., проживающей (далее адрес), следующие продовольственные и промтоварные карточки в количестве шести. В конце указано, что справка выдана для получения продовольственных и промтоварных карточек по новому месту жительства или работы с учетом использованных талонов по сданным карточкам.

Управдом опечатал нашу квартиру.

На барже мы благополучно переправились до станции Кобона. Почему-то на барже бабушка,

глядя на меня, сказала: «Трудно тебе придется в жизни». В Кобоне нас накормили обедом и выдали сухой паёк. Все вещи были свалены в кучу на берегу и каждый искал свои. Я, чувствуя большую усталость и вялость, перетаскала волоком наши — у нас было 6 узлов — четыре с хорошими вещами и два на мену. Из Кобоны по железной дороге через станции Тихвин, Бабаево, Череповец, Вологда добрались до Ярославля. Некоторые люди, с которыми мы общались в дороге, хорошо запомнились.

В Ярославле при посадке на поезд до Свердловска случилось непредвиденное. Носильщик понёс четыре «главных» тючка, и я пошла с ним к вагону. Внесли вещи в купе пассажирского вагона; я еще забросила на вторую полку шапку (почему-то мне запомнилось, что шапка была зимняя, меховая, с ушками). В купе сидели военные. Оставив вещи, пошли с носильщиком за бабушкой, и только мы стали подходить обратно к вагону, как поезд тронулся — раньше времени. Раздались крики, плач — у кого-то уехали дети, кто-то, вроде нас, не успел сесть в вагон. Остались мы с бабушкой с двумя «неглавными» тючками, но, слава Богу, с документами.

Потеря вещей, конечно, отразилась на здоровье бабушки. После дальнейших мытарств (которых не помню) сели на поезд, идущий в Челябинск. Видимо, на Свердловск не получилось. Ехали в теплушке, ехали долго, с очень большими остановками на запасных путях. В теплушке попутчицами были молодые женщины с детьми из Кронштадта. К нам с бабушкой они относились очень хорошо. Помню, что у них были мешки со сдобными плюшками. На станционных эвакуационных пунктах нас кормили обедами и выдавали сухие пайки — всё это отмечалось на обратной стороне эвакуационного удостоверения с пометками населённого пункта и датой, например: «Бабаево, обед», «9/VII-42, обед, хлеб», «6/VII-42, паёк на два дня, обед», «Талоны на питание выданы» и т. п.

На пристанционных базарах можно было купить молоко, яйца и прочее. Когда бабушка заболела, я стала покупать яички, но одни люди говорили, что бабушке надо давать крутые, а другие настаивали — всмятку. Ничто не помогло, бабушка умерла.

Где-то на Урале или в Зауралье на станции Шарташ пришли за ней санитары с носилками. А я с женщинами поехала дальше до Новосибирска.

Мы видели во встречных поездах, идущих на фронт, молодых ребят, которые пели и плясали под гармошку. На какой-то станции молодой солдатик, стоявший на посту, когда я проходила мимо, пригласил меня прийти «на свидание». Я об этом эпизоде поспешила рассказать своим спутницам.

А однажды какая-то сердобольная женщина пожалела меня и подала милостыню, поделившись хлебом.

Из Новосибирска я догадалась послать в Усть-Каменогорск телеграмму и добиралась до него

вместе с женщиной средних лет, очень изможденной и нервной. В Усть-Каменогорск прибыли 25 июля — почти шесть недель в дороге. На вокзале нас никто не встретил, мы наняли телегу.

Однако потом всё устроилось: меня приютила семья давнего друга папы Павла Петровича Бурова, главного инженера Алтайцветметразведки. Вскоре ненадолго приехал папа. Представляю, что он почувствовал, увидев меня одну, худющую дочку. Сидели мы с ним в доме, где он жил, он раскрыл маленький атлас и долго молча смотрел на точку, где было напечатано: станция Шарташ. Потом снова уехал в горы, а я осталась в семье Буровых, где меня одели, обули и где я жила весь сентябрь и училась в 6-м классе, готовя уроки за письменным столом Павла Петровича, а сам он тоже был на полевых работах.

Когда с полевых работ вернулись геологи, мы с папой, Анной Ивановной и другими геологами, мужчинами и женщинами, и с приехавшими членами их семей стали первое время жить как бы коммунально, в одном доме на улице Медвежья.

1943 год. Этот год, как и 42-й, был для всех очень трудный, можно сказать, полуголодный. Часто делали лепешки из подсолнечного жмыха, выручали картошка, тыква. Хлеб делили на порции. Когда обзавелись огородами, стало лучше. В школе нас бесплатно кормили пирогами с мясом из требухи. Папа от скудного питания и переживаний очень похудел, заболел туберкулезом и его собирались направить на излечение в санаторий «Белокуриха» на Алтае. Потом он несколько лет ходил на поддувание.

В городе много несчастных инвалидов без ног, на тележках. На них больно было смотреть. К Анне Ивановне приехал с фронта, по ранению, брат Анатолий. У Толи покалечена рука, а до войны он работал шофером, теперь для него это исключено, что он, конечно, очень переживал. Его товарищ, с которым он иногда приходил к нам, контужен; ему часто казалось, что он под бомбежкой и, не помня себя, начинал бежать.

43-й год, зима, холод, вьюга. Я иду по пустырю и откуда-то из репродуктора на столбе доносится песня: «Темная ночь, только пули свистят по степи. Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают...»

Как это все было созвучно моему настроению!

В 6- и 7-м классе мы учились в школе имени Ленина вместе с мальчиками. У меня были две хорошие подруги — местная девочка Римма Пахотина и эвакуированная из Днепропетровска Геня Трубицына. Она приехала с мамой и грудным братишкой Аликом. Жили они в бараке. Отец был на фронте. Геня написала мне в альбомчик своё стихотворение, кончавшееся: «...и может быть сейчас отец мой идет в бой и бьёт врага за нас с тобой».

Любое сочинение по литературе, на любую тему мы кончали фразой: «Смерть немецким оккупантам!».

Хороших учеников, меня в том числе, парами посылали ходить по младшим классам, где мы

убедительно агитировали за хорошую учебу, а двоечников стыдили, говоря: «Каждая пятерка — удар по врагу!» Некоторых нерадивых доводили до слез, нам было их очень жалко. А за отличную учебу мне еще в 42-м выдали валенки (пимы по местному).

Летом 1943 года Анна Ивановна с папой, будучи на полевых работах в казахстанской глубинке, иногда останавливались партией в жилых сельских домах. Там, в одной многодетной семье им очень понравилась красивая девочка, и они пригласили её приехать к нам в Усть-Каменогорск, продолжить учебу в 8-м классе, так как у них в селе была только семилетка. К сентябрю Мария, так стали её звать, приехала и стала учиться в 8-м, а я еще в 7-м. Мы всюду стали ходить вдвоем, нас называли Ирочка-Марочка. А еще говорили, что они, т. е. мы, «хорошо одеются» (по местному говору), поскольку Анна Ивановна водила нас в пошивочную мастерскую и одевала одинаково.

У всех были занятия по военному делу. Папа (ему было уже 47 лет) вместе с другими геологами треста проходит всеобуч; занятия ведет молодой военком, громко командуя: Налево! Направо!

В нашей школе каждый класс — взвод. Нас учили правильно маршировать под бравую песню. Запевалой была Зоя Палагина — лихая, звонкоголосая:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Припев поем все.

Хорошо запомнилась и другая песня:

Артиллеристы, Сталин дал приказ.
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
Из многих тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!

В конце 1944-го переселились на Степную улицу, в дом, где раньше жили Буровы. Сам Павел Петрович Буров умер зимой этого года. Поехал в командировку в Москву. По дороге простудился, заболел и уже не вернулся. Семья уехала осенью того же года в Ленинград. На Степной 43 у нас целый дом, в котором три комнаты, кухня, сени, прихожая, где стоит умывальник с зеркалом, крыльцо, сарай, баня и большой огород. Перед домом небольшой палисадник. Палисадник огорожен, дом и огород тоже огорожены, есть ворота с калиткой.

Вспоминается лето этого года: полдень, жара. Пустынная Степная улица. Окна домов закрыты ставнями, сквозь которые глуховато слышно радио. Звучит казахская речь. Говорят, говорят... потом — «Жуковке»; опять говорят, говорят и снова — «Жуковке». Стало быть, речь идет о военных операциях, руководимых маршалом Жуковым.

Я начала учиться в 8-м классе школы им. Ушанова. Марочка — в 9-м. Школа им. Ленина стала

мужской, а всех девочек определили в ушановскую. Она двухэтажная старинная, уютная, из красного кирпича и расположена в саду. А ленинская — белая, оштукатуренная и стоит на проходном пустыре.

В ушановской школе и встретили Новый 1945 год — год Победы.

Из дневника

На фронте дела идут как нельзя лучше — «немцев бьют и там и тут!» Берлин взят! Немцы заговорили о мире с нашими союзниками. И вот-вот конец войне! Скорей бы, скорей!

9 мая — самый счастливый день в моей жизни! Боже, я не нахожу себе места, я на сотом небе от счастья! Всё хорошо! Всё хорошо! Наконец-то дождалась! Жаль, очень жаль тех, кто не услышал: «Мы победили! Конец войне!», «Настал и на нашей улице праздник!». Какие у всех счастливые лица! Бедная моя мама, и Кока, и бабушка, как было бы вам радостно в этот день! Как вы ждали его!

Счастливый день начался с того, что ранним утром из окраинных домов выбежали с криком женщины: «Война окончилась! Война окончилась!» Бежала по улице Тоня, молодая мать троих детей — один меньше другого, а муж на фронте. Вот счастье-то, дожждётся, дожждётся она своего ненаглядного. Война окончена! Люди, люди, война окончена!

Все повскакали, засуетились, друг друга целовали, обнимали, мы с Марой прыгали, кричали, и вскоре все побежали кто куда — Анна Ивановна и папа в трест, Толя к товарищам, мы — в школу. Возникли стихийные, ликующие митинги. Набегавшись по городу, вернулись с Марочкой и девочками домой, вытащили заветную «Анапу», вылили её на радостях, а потом крутились на турнике от избытка чувств. Вечером опять были в городе. Народу полны улицы, и мне показалось, что стало больше взрослых молодых людей.

21 июня. Успешно сдали все экзамены, — я перешла в 9-й класс, Марочка — в 10-й.

В конце лета 1946 года начали готовиться к возвращению в Ленинград. Встал вопрос — как быть с Марочкой. Её родители дали согласие на удочерение, и Марочка стала не Рыльской, а Марией Николаевной Курек.

Перед отъездом ходили с Марочкой как на работу — на базар продавать разные вещи. Придём и всё разложим: одежду, одеяла, всякую мелочь. Иногда отчаянно торговались, а чаще отдавали за бесценок.

Наконец собрались, едем в нормальном пассажирском вагоне. В дороге под стук колес, под руководством Анны Ивановны много, громко и с удовольствием пели. Особенно запомнилась песня «Моя Москва».

В Ленинград ехали через Москву — посещение Красной площади, вид Кремля и прогулки по столице произвели большое впечатление.

Вернулись в Ленинград в начале сентября. Я с опозданием поступила в 10-й класс 239-й школы с английским языком. Школа находилась на Адмиралтейском проспекте в монферановском доме, её украшали «два льва сторожевые...», на одном из них сидел Евгений из пушкинского «Медного всадника». Марочка год пропустила, и в институт мы обе поступили в 1947 году, я — в Горный на специальность ГСПС, Марочка — на восточный факультет ЛГУ, потом перешла на английское отделение герценовского института.

Со мною поступила в Горный, тоже на ГСПС, и Милочка — Людмила Петровна Иванышина.

Нашего двухэтажного деревянного дома на 13-й линии Васильевского острова уже не было — зимой 1942/43 годов его разобрали на дрова. Когда мы с бабушкой уезжали в эвакуацию, наша квартира была опечатана и многие вещи сохранились. Нам были возвращены папин письменный стол, «шведские» книжные шкафы, пианино, все фотоальбомы и даже несколько нотных тетрадей.

Спасибо добрым, заботливым людям!

Ирина Николаевна Курек (1929–2018)

Родилась в Ленинграде. В блокадном городе прожила до 15 июня 1942 г., эвакуировалась в Усть-Каменогорск, вернулась домой в 1946 г. Поступила в 1947 и окончила в 1953 г. Ленинградский горный институт. С 1954 г. более 30 лет проработала в ЦНИГР музее ВСЕГЕИ ст. науч. сотрудником. Специалист по рудным месторождениям. Была ответственным исполнителем научных и экспозиционных тем (золото, медь, вольфрам, молибден и др.), проводила полевые работы. Готовила выставки к 100-летию Геолкома — ВСЕГЕИ и к 27-й сессии МГК. Награждена медалями «Жителю блокадного Ленинграда», «Ветеран труда», к 50- и 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, в честь полного освобождения Ленинграда от блокады, значком «Отличник разведки недр».

Текст приведен по изданию «Ветераны помнят» (СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2010. С. 107–122).